

К беседе об эстетическом воспитании

(15.01.1974)

1. Коротко повторю. Эстетическое воспитание связано прежде всего с развитием способности *воображения*, понимаемого не как способность выдумывать то, чего нет, а как способность (умение) видеть то, что есть, то, что находится перед глазами. А это – умение не врожденное, а приобретаемое, умение, имеющее свои уровни развития. При этом способность видеть то, что есть на самом деле, встречается ничуть не чаще, чем способность тонко и глубоко мыслить. Как говорил Гете, – цитирую – «Что труднее всего на свете? – Видеть своими глазами то, что лежит перед ними».

Человек, лишенный воображения, – точнее с неразвитым воображением, – видит в окружающем мире лишь то, что он уже заранее знает, – то, что словесно зафиксировано в его сознании, в его психике.

Ведь очень часто та реальная конкретная ситуация, с которой человек сталкивается, оказывается для него не предметом внимательного рассматривания, а всего лишь внешним поводом, который включает в его сознании уже готовые – словесно-зафиксированные стереотипы, словесные штампы. Поэтому и словесный отчет такого человека о том, что он увидел, и неинтересно слушать, – он просто повторяет то, что мы уже тысячи раз слышали, – нового он вам ничего не сообщит. Хотя на самом-то деле он может быть был свидетелем очень содержательного и оригинального события. При такого говорят: он *глядел*, но не *видел*. А это и значит, что в данном случае недоразвита способность воображения.

2. В одной из своих записей поэт Б. Пастернак сформулировал на первый взгляд очень неожиданное, но на деле очень глубокое наблюдение: «*тиран, то есть человек, лишенный воображения*». Здесь имелся в виду, конечно, не только «тиран» в прямом, в политическом смысле, в смысле деспота-правителя хотя это и к нему тоже [91] относится). Тираном можно быть и в семье, по отношению к животным, и даже по отношению к так называемой «мертвой природе» – к лесу, к воде, к полезным ископаемым.

Важно то, что тиран во всех случаях старается навязать окружающему миру свою корыстно-эгоистическую волю. И это чаще всего происходит вовсе не со злого умысла, а просто оттого, что такой персонаж не в состоянии «поставить себя на место другого» – представить себе реальные последствия своего активного вмешательства в ход вещей. Он потому-то и ломится через действительность на манер бульдозера, до тех пор, пока не упрется в неодолимое для него сопротивление и не сломит себе шею.

3. Способность воображения поэтому и можно определить как способность *видеть вещи глазами другого* человека (реально, конечно, в него вовсе не превращаясь), *глазами всех других людей, глазами человечества*, и видеть не с точки зрения моих индивидуальных интересов, желаний и потребностей, а с точки зрения перспективных интересов «*рода*» человеческого.

Вот с этой-то стороны эстетически развитая способность воображения как раз и связана с тем самым таинственным чувством *красоты*, которое всегда доставляло столько хлопот теоретической эстетике и философии. Но разгадка тут все же есть.

Уже Кант понял чувство красоты как своеобразное чувство согласия деталей – с целым и, в конце концов, с высшей целью развития человечества, человеческой культуры. Формально он определил красоту как ощущение *целесообразности без понятия о какой-либо определенной цели*, то есть как ощущение целесообразности вообще – высшей целесообразности.

Развивая рациональное зерно этого понимания, Маркс уже более определенно сформулировал секрет чувства красоты, показав, что это чувство возникает на основе специально-человеческого отношения к внешнему миру и веществу природы. В своих «Философско-экономических рукописях» он заявил:

«Животное формирует вещество внешней природы сообразно мере и потребности того биологического вида, к которому оно принадлежит. Человек же формирует природу *свободно*, то есть не будучи связан [92] заранее своей биологически-физиологической организацией, а в каждом случае умеет применить к каждому предмету соответствующую этому предмету меру, действуя в согласии с собственной формой и мерей любого другого предмета. Поэтому он и формирует природу также и по закону *красоты*»¹.

Это место, безусловно, ключевое и к проблеме красоты, и к проблеме сущности «эстетического воспитания». Действительно, чувство красоты связано со специфически-человеческим умением к каждому предмету подходить не с заранее выставленными схемами, а с развитым умением каждый раз считаться с собственным характером (с формой и мерой) материала работы, а он каждый раз новый, каждый раз своеобразный, каждый раз неповторимый.

Чувство *красоты* вступает тут как один из важнейших психических механизмов, характерных для подлинно человеческой жизнедеятельности, в какой бы особой сфере эта жизнедеятельность ни осуществлялась, – *критерием человечности* отношения индивида к предмету, будь то в математике или в политике, в промышленности или в быту.

В заключение могу привести одно очень серьезное и глубокое определение сущности природы эстетического воспитания:

*«суровое воспитание человеческого рода на опыте его производительной деятельности есть подлинно эстетическое воспитание»*².

Понимаемое так, эстетическое воспитание имеет самое прямое отношение ко множеству проблем, взять, скажем, ту же проблему воспитания *интернационализма*. На словах ведь каждый у нас знает, что все народы мира равноправны, все имеют право на культурное, экономическое и политическое развитие и т.д., и т.п. На практике же дело обстоит не так хорошо: тут сплошь и рядом приходится сталкиваться с элементарным непониманием национальной психологии самого народа, тут мы очень часто привыкли мерять все на свою мерку. Тут часто не хватает воображения, умения стать на точку зрения этого народа, взглянуть на вещи его глазами. А отсюда частенько [93] появляются весьма печальные последствия, вплоть до политических недоразумений. Вряд ли стоит доказывать, что огромную роль в решении этого вопроса может и должно играть именно *искусство*.

Или такой факт, о котором мне недавно рассказали: в Москву приехали японские промышленники, и в разговоре они как то упомянули, что в послевоенной Японии начальная школа была сориентирована преимущественно на эстетическое воспитание, и по количеству часов, и по насыщенности программы, и по объему финансирования. Почему?

Очень просто, – ответил один крупный и весьма неглупый предприниматель, руководитель крупного японского концерна, один из заправил послевоенной экономики Японии. – Наш рабочий различает семьсот оттенков цвета, а ваш – семь. Потому мы спокойно передадим вам лицензии и технологию, а вы с ней ничего сделать не сможете. То же самое с транзисторными приемниками. Ваш рабочий не обладает нужным для их монтажа *пространственным воображением* – умением перенести схему, начерченную на плоскости, в пространство, в объем...

Все это я говорю затем, чтобы сориентировать вас на несколько более широкий взгляд на задачу и сущность эстетического воспитания. Пение, рисование, литература, пластика – все это средства, лишь средства, позволяющие развивать такую универсальную способность, как *продуктивное воображение*, ориентированное на чувство красоты, на чувство, сразу же без долгой рефлексии, позволяющее уверенно развивать красоту и безобразие, свободу владения материалом – от капризов индивидуального произвола. В этом понимании эстетическое воспитание выступает как необходимый компонент всякого творчества, всякого творчески-человеческого отношения к внешнему миру. [94]

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. Москва: Политиздат, 1956, с. 566.

² М.Л. 339 [очевидно, здесь Ильенков цитирует Мих. Лифшица]